

Сюй Сы, мысленно сочувствуя Ци Чао, который никак не мог выбраться из цепких лап Ци Юаня, одновременно наслаждался извращенным удовольствием, напоминающим донос классного руководителя на провинившегося ученика. Дожив до таких лет, он впервые начал понимать тех одноклассников, что вечно любили на него жаловаться, и это... оказалось довольно приятно.

Еще приятнее было то, что веерообразная полоска здоровья над головой Хань Бинхуа под его напористым и сокрушительным натиском любви планомерно и неумолимо сокращалась.

Каждое утро, едва открыв глаза, Сюй Сы нетерпеливо мчался в Бэйчжэньфусы, а затем, уставившись на полоску здоровья своей цели, которая за сутки уменьшилась еще на один процент, глупо улыбался. Посмеявшись так полчаса, он принимался за реализацию плана по завоеванию на текущий день.

Чем больше времени он проводил с Хань Бинхуа, тем лучше его узнавал. Например, хотя обычное выражение лица Командующего было каменным, Сюй Сы научился находить на этой маске едва заметные следы, по которым можно было угадать настроение хозяина.

Если Хань Бинхуа был в духе, черты его лица слегка смягчались, брови расслаблялись, а верхняя губа не была плотно сжата, а изгибалась в соблазнительной дуге. Если же он был не в духе — это становилось слишком очевидно: глаза сужались, уголки губ опускались, а от него исходила аура, призывающая держаться подальше. Ну, а если он был в крайне радостном или подавленном состоянии... хм... пожалуй, он мог и укусить.

Опираясь на эти микровыражения, изученные буквально под страхом смерти, Сюй Сы все увереннее шел по пути задабривания своей цели.

К примеру, он заметил, что Хань Бинхуа, хоть и не питал особой любви к Ханю Четвертому, но и не испытывал к нему отвращения — во всяком случае, не выбрасывал зверька при первом удобном случае. Желая показать, что любит все, что дорого объекту его симпатии, Сюй Сы каждый раз приносил ошипанных птичек или мышат, чтобы порадовать Сы-Сы. Вот только после каждого кормления выражение лица Хань Бинхуа становилось весьма загадочным.

Сюй Сы про себя решил, что это Хуань-Хуань просто проявляет свою цундэрэ-натуру: хочет поблагодарить, но не знает, как подступиться.

В то время как Сы-Сы неустанно развивался в сторону фигуры круглой и жирной змеи, у Сюй Сы в отношениях с Хань Бинхуа наступил застой. Прошло пять дней, а показатели замерли на отметке 26% и не двигались. Видя, что победа была так близка, Сюй Сы от волнения даже покрылся язвочками во рту.

В этот день с самого утра моросил мелкий дождь. Сюй Сы, который всегда хандрил в плохую погоду, лениво валялся в постели, болтая с 2333.

— Скажи, почему все остановилось? — Сюй Сы коснулся языком язвочки и болезненно шикнул.

— Сердечный узел не развязан, — ответил 2333.

Четыре слова, просто и грубо.

— Сердечный узел Хань Бинхуа связан с его отцом. Его отец уже столько лет как почил, трава на могиле, небось, уже метровой высоты, как тут развяжешь? — Сюй Сы пожаловался, сжимая ногами одеяло и беспорядочно ворочаясь.

Закончив кувыркаться, он внезапно спросил серьезно:

— Брат Ха, могу я попросить тебя об одолжении?

Система словно на секунду зависла:

— Господин Сюй, слушаю вас.

— В следующем мире можно мне дать тело птицы? — Сюй Сы стиснул зубы. Если посчитать время, ему пора было вставать по нужде.

На корточках...

— Это определяется случайной выборкой интеллектуальной системы, боюсь, я не могу вам помочь, — голос 2333 был, конечно, приятным, но лишенным всяких эмоций — словно у чопорного секретаря в строгом костюме с прилизанным пробором.

Сюй Сы вздохнул и, справив нужду в позе, совершенно лишенной мужского достоинства, оделся, поел и направился в Бэйчжэньфусы.

Только он переступил порог Дун-чана, как 2333 внезапно подал голос:

— Дружеское напоминание: сегодня Цинмин.

— Ну и что, что Цинмин? — выходной? Цзиньивэй не работают? Неудивительно, что сегодня такая хмурая погода... Значит, правду говорят: в день Цинмин дождь льет без конца.

Этот дождь в Цинмин был как концерт Сяо Цзинтэна — всегда попадает в точку.

2333 промолчал.

Вдруг осознав что-то неладное, Сюй Сы нахмурился:

— Брат Ха, ты надо мной издеваешься? Сейчас осень, какой еще Цинмин? Ты думаешь, раз я университет не закончил, то мало читал?

— В этом мире Цинмин празднуют пятого числа девятого лунного месяца, — пояснил 2333.

Сюй Сы: «...» Сам виноват, не изучил как следует обычаи и историю этого мира.

— Каждый год в Цинмин объект посещает могилу в пригороде, — добавил 2333.

— Понял. — Сюй Сы тут же развернулся и сел в карету.

Пункт назначения — могила семьи Хань.

Хотя семья Хань и была чиновничьей, она не шла ни в какое сравнение с влиятельными аристократическими родами. Они поколениями жили на государственное жалованье, но в основном занимали мелкие должности. Лишь отец Хань Бинхуа, Хань Вэй, с трудом дослужился до четвертого ранга, но, к несчастью, скончался в расцвете лет.

К тому же, этот род, словно проклятый, был немногочисленным, прерываясь на одном наследнике. Как бы они ни старались, процветать не получалось, даже могилы выглядели скромно.

Следуя GPS-навигации 2333, Сюй Сы оставил карету и, поплутав, вышел к небольшому холму. Издалека он увидел знакомую фигуру: человек стоял, выпрямив спину, опустив руки, под морозящим дождем.

Сюй Сы долго наблюдал, но тот оставался неподвижен.

— Неужели не знал, что пойдет дождь? Даже зонт не взял, — проворчал Сюй Сы и, раскрыв темно-серый бумажный зонт, направился к нему.

Бросив взгляд в сторону, он заметил еще одного человека с зонтом, который, как и он, застыл в созерцании. Это был мужчина средних лет в простом темно-зеленом халате. Его брови были тонкими, а в чертах лица читалась такая глубокая, неисчерпаемая печаль, что годы, оставившие неизгладимый след у глаз и губ, не могли скрыть былой красоты.

Он пристально смотрел на Хань Бинхуа, взгляд его был полон такой сосредоточенности и

пылкости, словно там было похоронено все его сердце.

Этот человек... Сюй Сы вдруг почувствовал, что они «коллеги по несчастью»...

Вероятно, Сюй Сы был слишком бесцеремонен, потому что мужчина заметил его и обернулся. Сюй Сы поспешно отвел взгляд, опустил край зонта, слегка кашлянул и пошагал прочь.

— Одежда вся промокла.

Тень накрыла серый небосвод, и Хань Бинхуа машинально обернулся, увидев лицо, которое всегда так легко проникало в его сердце.

— Откуда ты узнал, что я здесь? — капля дождя скатилась по его напряженному подбородку. Хань Бинхуа смотрел с подозрением. Семья Хань выбирала места для могил случайно, и поклонялись они только трем поколениям, после чего связь обрывалась.

Поэтому, если бы Хань Бинхуа сам не сказал, никто бы не узнал.

— Шел следом за тобой, — солгал Сюй Сы.

Заметив его нежелание говорить правду, Хань Бинхуа слегка дрогнул ресницами, но не стал разоблачать. С его-то навыками следить за Командующим Цзиньивэй и остаться незамеченным — это все равно что... бредить наяву.

Сюй Сы был человеком широкой души и не слишком понимал атмосферу скорби по отцу. Он не мог постичь всю сложность чувств Хань Бинхуа к родителю, потому что у него самого отца не было, и поставить себя на его место он не мог.

— Мой отец был честным и неподкупным, человеком несгибаемой воли. Я всегда им восхищался, — Хань Бинхуа постучал пальцем по рукояти сабли Сючунь. Сюй Сы знал: это его привычка, когда он нервничает или колеблется.

В чем он сомневался? В том, что его глубоко уважаемый отец любил евнухов?

Или в том, что он сам пошел по стопам отца и тоже полюбил евнуха?

Хм... если подумать, ситуация и впрямь паршивая.

Но кто может с уверенностью сказать что-то о чувствах? Кого любить — мужчину или женщину? Сюй Сы однажды прошел «промырку мозгов» от одного знакомого, совершившего каминг-аут. Тот утверждал, что у каждого есть шанс полюбить человека своего пола, все

зависит от того, какого пола будет первый человек, в которого ты влюбишься. Это означало, что ты определяешься со своей ориентацией из-за конкретной личности, а не наоборот.

Сюй Сы помнил, как тогда высмеял его, ведь сам он никогда никого не любил, но четко знал, что его тянет к мужчинам...

Тот парень тогда бросил ему: «Это потому, что ты еще не осознал, что влюбился».

Сюй Сы лишь хмыкнул, не став спорить, думая про себя: я же не дурак, неужели я не пойму, в кого влюблен?

Молча простояв неизвестно сколько времени, Сюй Сы почувствовал, как рука, державшая зонт, онемела и задрожала. Хань Бинхуа поднял голову, забрал зонт из его рук, и они молча пошли вниз по склону.

Спускаясь, Сюй Сы уже не увидел той темно-зеленой фигуры.

У самой кареты Сюй Сы остановился и моргнул Хань Бинхуа. Тот приподнял бровь, жестом предлагая выкладывать, что у него на уме.

Поколебавшись, Сюй Сы внезапно схватил Хань Бинхуа за руку и потащил обратно по той же дороге.

Рука Хань Бинхуа была холодной, но, оказавшись в теплой, влажной ладони Сюй Сы, почувствовала, как поток тепла по венам разлился по всему телу.

Простояв час под дождем и ветром, он продрог до костей. Сейчас он был подобен путнику, блуждающему по пустыне, который жадно и отчаянно жаждет влаги. Так же сильно он жаждал тепла.

Крепче сжав источник тепла, Хань Бинхуа опустил голову, едва заметно улыбнувшись.

Но улыбка не успела расцвести: у могилы отца он увидел незнакомца.

— Ботан, твой сын уже такой взрослый, настоящий красавец, отмеченный императорской милостью. Тебе радостно это видеть? — человек достал из-за пазухи кувшин с вином, отпил сам, а остатки по капле вылил на землю перед надгробием.

Осторожно поставив бутылку, он достал платок, тщательно протер камень, раскрыл бумажный зонт, установив его над могилой, и сам сел рядом, укрываясь под ним. — Каждый раз, когда я прихожу, идет дождь. Наверное, ты совсем промок.

Он продолжал бормотать, словно накопил слишком много слов, которые нужно было высказать.

— Кто здесь? — ледяной голос, словно вынутый из колодца тысячи лет, прервал нежные речи мужчины. Тот вздрогнул, поднял голову и, увидев, кто перед ним, в панике вскочил, ударившись головой о зонт, который тут же опрокинулся.

Он хотел поднять зонт, но, встретившись с мрачным взглядом Хань Бинхуа, растерялся:

— Я... я... я старый друг твоей матери.

— Друг? — Хань Бинхуа протянул последний слог, пропитанный сарказмом, а в его глазах блеснуло презрение. — Господин Чжан, вы думаете, что, покинув дворец, перестали быть тем, кем были?

Подразумевалось: евнух смеет называть себя другом его отца — какая дерзость.

Сюй Сы нахмурился. Эти слова неожиданно резанули слух, а когда он вдумался, то вскипел. Что значит «перестали быть тем, кем были»? Что не так с евнухами? Разве евнухи — не люди? Разве отсутствие «того самого» делает их никем? Стоит ли так смотреть свысока?

Сюй Сы уже глубоко погрузился в роль. Хотя это вышло случайно, разумом он принял тот факт, что в этом мире он — евнух, поэтому пренебрежение к ним он воспринимал как личное оскорбление.

Господин Чжан застыл, на его лице отразилось смущение. Он не знал, куда деть руки, нервно переплетая пальцы, костяшки которых побелели.

Сюй Сы молча поднял зонт, с улыбкой протянул его мужчине и произнес:

— О, так это господин Чжан. Мы оба служим во дворце, я Цзян Ин. Коллега господина Ханя.

Эта фраза была пощечиной Хань Бинхуа: да, я тоже евнух, и у меня нет права быть другом твоего отца.

Хань Бинхуа внезапно очнулся, сердце его екнуло. Он посмотрел на профиль Сюй Сы: тот улыбался, но Хань Бинхуа ощутил холод, скрытый за этой улыбкой.

— О, так вы Глава ведомства. Слуга Чжан Фэн приветствует вас, — он хотел опуститься на колени, но Сюй Сы его остановил.

— Господин Чжан уже не во дворце, к чему эти формальности.

Чжан Фэн давно ушел из дворца по болезни, он не ожидал, что снова встретит Главу ведомства Дун-чан, и это только усилило его тревогу.

— Господин Чжан, если есть что сказать — говорите прямо. В ваших искренних чувствах нет ничего постыдного, не нужно так бояться, — Сюй Сы улыбался, и эта улыбка была подобна весеннему ветру. — Общайтесь, а я пойду.

Сказав это, он ушел, не оглядываясь.

Сюй Сы без тени смущения унес свой маленький зонт. Дождь внезапно усилился, крупные капли били по лицу. В груди Хань Бинхуа стало тесно, он с силой вытер лицо.

Чжан Фэн, стоявший в растерянности, вдруг вспомнил, что у него есть зонт. Он торопливо раскрыл его и, делая то шаг вперед, то шаг назад, попытался укрыть Хань Бинхуа хоть немного.

Хань Бинхуа нахмурился, отвел взгляд и настороженно покосился на него.

Лицо этого человека давно утратило былой блеск, но даже если бы он превратился в пепел, Хань Бинхуа узнал бы его. Тогда, подглядывая в щель двери, он видел все: как это лицо соблазняло его отца, как этот человек с довольной улыбкой отдавался ему... Это было так... отвратительно.

Почти с брезгливостью осознавая, что дышит с ним одним воздухом, Хань Бинхуа отступил, избегая половины зонта, которую тот пытался над ним удерживать.

Тяжело вздохнув, Чжан Фэн перестал пытаться и сел на корточки. Долгие годы стояния во дворце не позволяли его коленям долго выдерживать нагрузку. Он смотрел на подол халата Хань Бинхуа, ткань которого была испачкана грязью до неузнаваемости.

— Ботана нет уже тринадцать лет, — сказал он.

Хань Бинхуа сверху видел только купол зонта. Человека под ним не было видно, и он почувствовал, что спертый воздух наконец начал циркулировать.

Он не понимал, почему не ушел, а остался здесь, сам не зная зачем. Может, он и не ушел, а просто не смог. В этот момент в его сознании всплывало только ослепительное улыбающееся лицо Цзян Ина и холод в его глазах. Это лишило его способности реагировать.

— Как поживает твоя мать? — внезапно спросил Чжан Фэн.

Хань Бинхуа приподнял бровь, лицо его стало пепельно-серым:

— Благодаря вам, она давно постриглась в монахини и проводит дни в молитвах перед статуями Будды.

В этих словах звучала обида, которую он сам не осознавал.

— Ботан больше всего беспокоился о вас двоих. Молитвы — это хорошо, не нужно тревожиться о мирской суете, обрести покой, — голос Чжан Фэна не был тонким, как у обычных евнухов, в нем слышалась горечь прожитых лет.

Дождь стекал по его лицу, Хань Бинхуа тяжело хмыкнул.

Зонт скрывал его от глаз, Чжан Фэн перестал нервничать. Перед могилой бывшего возлюбленного он всегда обретал невиданное спокойствие.

— Мы с твоим отцом познакомились... — он помедлил, словно подсчитывая годы. — Ох, уже не вспомнить. Тогда твой отец только достиг совершеннолетия, а я был самым младшим евнухом, отвечающим за уборку.

Его голос доносился словно из тех далеких лет, полных тоски:

— Как раз скончался покойный император, чиновники приносили соболезнования, а твой отец только сдал экзамены и заступил на службу, так что ему пришлось три дня поститься у ворот Умэнь.

Тогда Чжан Фэну было всего шестнадцать-семнадцать лет, он отвечал за раздачу постной еды. Стояло лето, он часто обливался потом, а чиновники, стоявшие на коленях полдня, проголодавшись, жадно хватали еду, не замечая маленького евнуха, сгибающегося под тяжестью коробов.

Но новый чжуаньюань заметил. Он тихо передал красивому евнуху платок, чтобы тот вытер пот, и даже забрал короб, помогая раздавать еду.

Под предлогом того, что хочет познакомиться с коллегами.

Три дня Хань Вэй помогал Чжан Фэну. Для Хань Вэя это была мелочь, но для Чжан Фэна этот остроумный чжуаньюань стал семенем, которое проросло в его сердце, превратившись в огромное дерево.

Чжан Фэн каждый месяц ждал середины месяца, когда можно было выйти из дворца. У него не было ни семьи, ни друзей, он просто сидел у дома семьи Хань целый день, не смея подойти, а

лишь издалека, из тени деревьев, наблюдая, как тот входит и выходит.

Иногда он видел его, иногда нет.

Но даже так, ожидание наполняло его сердце радостью.

Позже этот жгучий взгляд был замечен Хань Вэем, и когда Чжан Фэн в испуге хотел сбежать, тот уже стоял перед ним.

— О, это ты.

Брови Хань Вэя, поднятые вверх, его благородство и обаяние казались божественными. Перед лицом такой природной гордости и праведности Чжан Фэн чувствовал себя ничтожным.

Считая себя пылинкой, он и мечтать не мог, что этот недостижимый человек скажет ему слова любви. Он радовался целый день, сомневался целый месяц и потратил год, чтобы убедиться: Хань Вэй серьезен.

Помимо ежемесячных встреч, они общались письмами. Лошади шли медленно, и Чжан Фэн жил в ожидании, пока однажды не получил приглашение на свадьбу Хань Вэя.

Чувства двух мужчин, противоречащие нормам, в эту эпоху всегда заканчивались, когда один из них женился и заводил детей. Если страсть была слишком сильной, она уходила в подполье, гнила и ферментировалась в темноте.

Позже жена Хань Вэя все узнала, а затем здоровье Хань Вэя начало ухудшаться, пока он не оказался на смертном одре.

— Я прожил жизнь во дворце, не зная, зачем живу, — Чжан Фэн дрожал, и капли дождя стекали по спицам зонта. — Оглядываясь назад, я вижу, что, кроме Ботана, в моей жизни ничего не было.

Хань Бинхуа, окруженный холодом, прищурился:

— Вы двое были счастливы, а как же моя мать?

В его памяти мать целыми днями плакала и вздыхала, глядя на него. Когда он спрашивал, что случилось, она лишь твердила: все евнухи — подлые люди.

Чжан Фэн не мог больше сидеть на корточках и просто опустился в грязь, прислонившись лбом к надгробию.

— Семья Хань не должна остаться без наследника, не вини своего отца, — в его голосе звучала скорбь. — Твоя мать — несчастная женщина. А разве я счастлив? Если бы я не был мужчиной, не стал бы этим... получеловеком... может быть... может быть...

Может быть, он мог бы быть вместе с любимым человеком, создать семью и состариться вместе. По крайней мере, он мог бы открыто скорбеть по нему.

— Ботан, зачем мы вообще встретились? — его слова утонули в рыданиях. Бутылка вина перед могилой опрокинулась, и вино, смешиваясь с дождем, впиталось в землю.

Хань Бинхуа смотрел на плачущего Чжан Фэна и не знал, что делать. До этого он лишь ненавидел отца и того, кто его соблазнил, никогда не задумываясь о чувствах, которые их связывали, и о том, что этот человек тоже страдал.

В этой любви не было освобожденных: ни его отец, ни мать, ни этот человек.

Хань Бинхуа невольно поставил себя на место отца, а Цзян Ина — на место Чжан Фэна... Сердце пронзила острая боль, и перед ним возникла пропасть: женится ли он сам? Заведет ли детей?

<http://bllate.org/book/19095/1875336>